

от родины, от родной речи, от запахов и звуков русских — огромная утрата. Да и условия работы тяжки.

О писателях в России? Я мало знаком с их книгами, отталкивает меня дикое начертание, убивающее образ. Отталкивает и грубость. Есть дарования, но условия выработки там тяжки. Творчеству поставлены всяческие препоны. И вполне понятны и узость, и обме-ление, и нарочитость, которые видишь и слышишь в той литературе.

Огрубевший быт, животность, серость — особенно чувствуются, претит от них. Сдавленные колодками, литераторы

отводят душу в иной свободе, незапретной, в терпком изображении дурной плоти, и словесная дерзость писаний, отсутствие чувства меры до похабства, — буерачность речи, во мне вызывают отвращение. Это не «кровь играет», а отсутствие чистой крови, свободного дыхания. Погоня за народным говором, нарочитый провинциализм языка, нечуяние его духа, как будто пишут нерусские. При всех недостатках тамошняя литература имеет известное значение — каррикулы на искореженность русской жизни.

Ив. Шмелев.

Вместо оценки русской литературы редакция получила от И. Бунина и З. Гиппиус следующие письма:

Къ сожалѣнню, я не могу отвѣтить согласіемъ на Ваше любезное предложеніе. Уже потому, что журналъ-вашъ печатается по нѣвой орфографіи. Это затруднило бы меня даже въ томъ случаѣ, еслибъ у меня имѣлись новыя свободныя стихотворенія и фотографическая карточка. Но ни тѣхъ, ни другой у меня нѣтъ.

Д. С. Мережковскій присоединяется къ моему отвѣту.
Примите увѣренія въ нашемъ къ Вамъ почтеніи.

З. Гиппиусъ.

Весьма благодарю за любезное приглашеніе. Только простите — не имѣю представленія о Вашемъ журналѣ и о томъ, кто именно будетъ въ № 8—9. М. б., будете добры сообщить и кроме того выслать одинъ или два № журнала? Впрочемъ, если журналъ печатается по новой орфографіи, не трудитесь присылать: тогда я во всякомъ случаѣ не смогу принять участія.
Съ почтеніемъ Ив. Бунинъ.

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ ВНЕ РОССИИ.

Группа русских художников, разнообразных дарований и различных направлений, оказалась вне России. Но во всем их разнообразии есть что-то и общее, что-то роднящее их между собой, какой-то общий звук. Попытаемся уловить этот звук.

Меня занимал вопрос: почему именно эти, а не другие из русских художников покинули Россию? Почему почти все находящиеся за пределами родины художники петербуржцы? И почему почти все они «мирискусстники»? Я не хочу искать причину в том что положение материальное Петербурга было особенно тягостно и что эмигрировать из Петербурга было удобнее, чем из Москвы. Нет, если это и играло известную роль, то не в этом лежит центр тяжести.

Если мы внимательнее взглянемся в лица всех этих художников, вспомним впечатление и весь «дух» группы художников «Мирискусства», вспомним значение и характер в русском искусстве этой группы, некогда объединенной А. Н. Бенуа и С. П. Дягилевым, то нам станет ясно, что именно члены этой группы должны были раньше всего покинуть Россию.

Напомню имена этих художников: Яковлев, Щухаев, Рерих, Судейкин, Сорин, Григорьев, Анисфельд, Стелецкий, Билибин, Шагал, Тархов, Бакст, Ларионов, Гончарова, Лагорио, Исцеленов, Мильман, Челищев, Федер, Грищенко, Ремизов, Зак, Пуни, Пастернак и др. — живописцы; Архипенко, Орлова, Мещанинов, Судбинин, Аронсон и некот. др. скульпторы.

Повторяю — огромное большинство поименованных художников принадлежали к группе «Мира Искусства», частью входя в основное ядро, частью примкнув к ней в позднейшие времена.

Теперь перенесем себя на несколько лет назад и войдем в залы выставки «Мира Искусства». С первых же шагов вас охватывает особая атмосфера, которая и не отпускает до конца. Вы ясно чувствуете — это особый мир, особая культура: все эти разнообразные полотна созданы художниками одного тона. Ничто не нарушает этот тон. Это не «Союз», не «товарищество» — это «мир». Это искусство именно в том понимании, которое создано самим «Миром Искусства» и которому он научил и приучил публику. Улица, злободневность, новые «измы», идеи вне искусства лежащие, срывы и искания, — одним словом, лежащее вне определенного кругозора этой группы художников — вы не найдете в этих строгих, суховатых залах.

Эскизов, набросков, сырых вещей, излишней напряженности или чрезмерной бледности и вялости, могущей нарушить впечатление этого культурного, хорошего, аристократического тона — здесь нет.

Тонкое знание стилей, проникновение в эпоху, грация и роскошь, чуть заметная усмешка, красивая любовь к родине, бережение и накопление ее духовных ценностей, и в то же время связь с Западом и приятие лучших его достижений — вот что явственно ощущаете вы в залах «Мира Искусства».